

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 36 (1817)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлены материалы круглого стола авторского блога Изборского клуба «Дорогу осилит идущий», опубликованные в газете «Завтра», № 10, март 2020 года.

Вологда
март 2020

Дорогу осилит идущий

Круглый стол о проблемах национальной безопасности России

Александр НАГОРНЫЙ, политолог, заместитель председателя Изборского клуба.

Уважаемые коллеги! Сегодня темой нашего разговора будет современное и перспективное состояние обороноспособности нашей страны, а также её безопасности в более широком аспекте. Как известно, президент Путин уже неоднократно заявлял, что сейчас и на перспективу ближайших 10-15 лет в собственно военном смысле Россия неуязвима для любого потенциального противника и для любой коалиции потенциальных противников. И эти его слова пока что полностью подтверждаются практикой современных международных отношений.

Тем не менее, мы видим, что так называемая гибридная война со стороны «коллективного Запада» против России не только продолжается, но и усиливается, уровень конфронтации растёт, охватывая всё новые и новые сферы: космос, киберпространство, торговлю, экономику и финансы. И это – не какие-то мелкие изменения, количество здесь тоже переходит в качество, возникает принципиально иная система угроз для национальной безопасности России, которую надо определить, исследовать, понять и, по возможности, устранить.

Александр ВЛАДИМИРОВ, генерал-майор, председатель Коллегии военных экспертов.

Я, по просьбе Изборского клуба, подготовил большой доклад на тему: «Армия Русской Мечты и войны XXI века», в котором дано системное изложение проблемы: какая армия, почему и зачем есть сейчас, и какая армия, для чего нам нужна. Не буду здесь подробно всё пересказывать, не тот формат, но скажу, что это две принципиально разные армии. И превратить первую во вторую – невероятно трудная задача.

Тем более, что вроде бы никакой необходимости в подобной трансформации нет. Всё замечательно: и Верховный Главнокомандующий, на мой взгляд – лучший за всё время, что я видел, а я – суворовец с 196 года, даже времена Хрущева застал; и министр обороны, и начальник Генштаба, и с деньгами нет проблем, и научно-технические заделы реализуются и – немислимое дело! – уже не мы американцев догоняем в сфере военной техники, а они думают, как нас догнать. И даже быт в армии налажен, чего у нас вообще никогда не было. Проблемы с жильём для военнослужащих, служебным и постоянным, практически решены. Я знаю, чего это стоило, и за одно это надо золотые или платиновые памятники ставить сами знаете кому, не буду называть фамилий.

Есть единый план обороны страны, согласованный на федеральном и на региональном уровнях, с «естественными монополиями» и крупными частными компаниями. С теми же РЖД все вопросы решены, все работа-

ет как часы, даже новые поезда-призраки «Баргузин» с ракетами «Ярс» запущены.

Была сделана ставка на опережающее развитие и развертывание систем управления войсками во всех звеньях, и я своими глазами видел, как наш наводчик вследствие изменения оперативной обстановки прямо «из песочницы» дал другую цель уже поднятому в воздух звену вертолетов, и те сразу по ней отработали. Перенацеливание уже в ходе боевого вылета – этого пока нет нигде, ни в одной армии мира.

Но!

При этом никакие задачи не ставятся, цели не указываются, идеология отсутствует, мобилизационного плана нет... Резервов тоже нет никаких, сержантского корпуса нет... Есть тенденция заменить призывную армию контрактной. Но когда армия мирного времени, профессиональная контрактная армия исчерпает свой ресурс, кто будет воевать? Президент Путин как-то сказал, что из-за использования новых технологий исход современной войны будет решаться в течение нескольких первых её часов. И это действительно так. Но если мы, условно говоря, потратим свой высокотехнологичный потенциал на отражение американской агрессии и нанесение ответного удара, то что, все остальные страны, особенно – из числа наших соседей, будут только зрителями данного процесса? Турки, иранцы, те же украинцы, да, хотя бы поляки и разные прочие шведы с финнами? Плюс террористические, экстремистские и криминальные вооружённые группировки как «прокси»-силы Запада во взаимодействии с персоналом международных частных военных компаний (ЧВК)? Наличных сил МВД и Росгвардии на отражение всех этих атак может и не хватить.

А что у нас с «обычными», традиционными вооружёнными силами? Лётчиков не хватает в боевых частях физически, на флоте призывников заставляют весь срок службы сидеть и ничего не трогать. В Академии ВКС: в Воронеже лётную подготовку начинают только с третьего курса... Никто базу ДОСААФ не использует. Это чьи решения? Ведь было как? Училище имени Верховного Совета: первый год учёбы – это отличный сержант, второй год — готовый командир взвода, третий год уже ротный, а потом – с перспективой на батальон и так далее. А сейчас? Знание матчасти у выпускников, мягко говоря, никакое. Не говоря уже об умении что-то там исправить.

Почему? Болонская система охватывает все российское образование, включая военное. И вот, у недавнего выпускника моего родного Казанского высшего танкового командного ордена Жукова училища в его гражданском дипломе записано: «специалист по управлению персоналом». Когда я вижу танки Т-14 или Т-15 и вижу орлов, которые должны на них воевать, — но не инжене-

ров-механиков, а «специалистов по управлению персоналом», – мне становится больно не только за нашу армию, но и за нашу-страну. Всё это выльется в большие потери и в большую кровь. Артиллеристы у нас тоже теперь — специалисты по управлению персоналом, все училища загнаны в стойло Болонской системы.

Вы будете смеяться, но специальности «государственная служба» у нас вообще нет. Соответственно, нет ни гражданской государственной службы, ни военной государственной службы. Мы, когда это раскопали, сразу пошли в ФСБ. Оказалось, там пишут одну специальность «пограничник», потому что она реально есть в списке специальностей. В результате как у нас госслужба устроена? По указу ещё товарища Ельцина от 1993 года есть 47 главных государственных должностей: министры, прокуроры, судьи и так далее. И есть люди, которые занимают эти должности, не являясь при этом государственными служащими... Отдельная система государственной службы нужна, вне Болонской системы.

Та же контрактная система, на которой всё, по идее, в нынешней армии должно строиться, — она же полностью разрушает всю нашу традиционную военную этику. Если у человека контракт, то он ориентируется на его условия, они лежат в основе всех его действий. Брачные контракты у нас пока не прижились в массовом масштабе, потому что свою любовь и прочие семейные отношения люди не привыкли вытаскивать в публичное правовое поле. А в армии – пожалуйста. И в любой момент с тобой могут разорвать контракт. Что можно от военнослужащих-контрактников требовать в таких условиях, чего от них можно ожидать? Каких подвигов, какой взаимовыручки, какого воинского братства? Каждый сам за себя...

Александр ВЛАДИМИРОВ.

Население просто не в курсе, что ему делать, если начнется война. Все мобилизационные вопросы не отработываются и не ставятся в качестве общенациональных задач. Нынешняя система образования, я уже об этом сказал, вообще никого никак не готовит для защиты Отечества. И не воспитывает у детей даже чувства патриотизма. Не говорю уже про информационную сферу, которая создает мировоззрение граждан: прессу, радио, телевидение, интернет... Она вся – антинациональная, антироссийская.

Вывод: в настоящее время к полномасштабной длительной войне Россия как государство абсолютно не готова. Наши возможности – это ответный ядерный удар по странам-агрессорам и антитеррористические операции максимум армейского уровня, как в Чечне или Южной Осетии. Правда, теперь у нас есть возможность проводить их удаленно, как в Сирии.

Юрий МИХАЙЛОВ, вице-адмирал, президент Союза моряков-подводников ВМФ.

Добавлю к выступлению Александра Ивановича немало своей военно-морской соли. Современное экономическое состояние в мире оценивают следующим образом:

сформировался монопольный капитал, обеспечивающий планомерное развитие транснациональных корпораций. Возникает вопрос, а как это – планомерное? Значит – по плану?! А где же постулируемые нашими либералами свободные рыночные отношения, где «рынок сам всё решит»? И близко не было такого, и до сих пор нет! Весь мир сегодня живёт, вообще-то, по плану, по-другому не выходит. Ярчайший пример – экономическая система Китая, сочетающая рыночные отношения и жёсткий государственный план с партийным контролем.

Ладно, это Китай, который строит социализм с китайским лицом, а как в мире капитализма? Продемонстрируем это на примере американской корпорации «Боинг», созданной ещё в 1916 году. Там выстроили строгую вертикально интегрированную систему полного цикла производства авиационной техники: под жесточайшим контролем и по единому многолетнему плану, без какой-либо внутренней конкуренции. И такая производственная модель – во всём мире! Спрашивается – это какая модель развития? Ответ – плановая! А мы уже почти 30 лет пытаемся изобрести велосипед с квадратными колёсами, какие-то «рыночные отношения», которых нигде в мире нет, не было и не будет. А потом удивляемся: почему это, имея такие ресурсы и такие доходы от их экспорта, уже 30 лет не можем достичь уровня ВВП РСФСР 1990 года в 2 трлн. долларов США.

Все эти азбучные истины повторены здесь для того, чтобы стало ясно состояние и перспективы нашего Военно-морского флота, который, в силу своей материально-технической части, должен строиться долго и планомерно. Любая кораблестроительная программа – это не менее чем 10-летний период, включающий в себя НИОКРы и создание макетных образцов; строительство опытных кораблей и программу их испытания; создание головного корабля в серии и, опять же, его полные испытания – только тогда, после устранения всех выявленных недостатков, запускается серия... Сейчас ничего подобного нет.

С развалом Советского Союза и ликвидацией Госплана СССР во всех сферах производства, включая «оборонку», начался настоящий бардак. Руководство страны было этим озабочено и решило пустить промышленное производство по новому пути, но, опять же, – без плана. Оно начало создавать государственные корпорации: Ростех, Росатом, Росгидро, Роскосмос, ОСК, ОДК, ОАК и др., которым поставили задачу – создать новые кооперационные связи каждый в своём секторе производства. Результат? За два десятилетия возникла гигантская чиновничья рать, которая хорошо научилась только «пилить» громадные бюджетные средства. Все прекрасно об этом знают, всё это на виду и на слуху... Что делают эти госкорпорации сейчас? А вот что.

– во-первых, они все мероприятия по выстраиванию надёжных кооперационных связей возложили на

заводы, верфи, фабрики и др., которые выпускали конечный продукт;

– во-вторых, эти заводы и т.д. вынуждены создавать каждый для себя новые учреждения: коммерческие отделы, маркетинговые отделы и т.д. и т.п., т.е. нести дополнительные расходы;

– в-третьих, на них возложили обязанность проводить тендеры (конкурсы) между предприятиями, производящими продукцию, нужную для сборки конечного продукта, т.е. опять доприходы;

– в-четвертых, т.к. не на всех конкурсных предприятиях был необходимый набор качеств продукции, то начались подлоги, пошёл фальсификат и даже брак, ярчайшие примеры – БР «Булава», космические ракеты «Прогресс» и др.;

– в-пятых, всё это породило дикую коррупцию от самых верхов и до низов.

В нашей Объединённой судостроительной корпорации (ОСК) всё это имеется в полном комплекте:

– есть деньги, есть мощности, есть рабочая сила, нет комплектующих;

– из-за этого строительство кораблей и судов для ВМФ затягивается на годы;

– ситуация крайне тяжёлая ещё и из-за того, что участвующие в кооперации предприятия имеют старые технологии и старое производство и не имеют возможностей по изготовлению изделий нужного качества.

Ярчайший пример – система «Борей». По Государственной военной программе, принятой в 2000 году, к 2020 году РПКСН типа «Борей» в составе ВМФ должно быть 8 единиц, на сегодняшний день флоту передано всего 4! Когда и как будут достроены остальные, если износ производственных мощностей достигает уже 70%, одному Богу известно.

То же самое – и в танкостроении, и в авиации, и в космосе. И всё по одной причине – нет долгосрочных программ с комплексным планом у нас в ВМФ и во всей «оборонке», призванной обеспечить безопасность нашего государства.

Как результат, наша судостроительная промышленность не способна строить корабли 1-го ранга: крейсера, эсминцы и большие противолодочные корабли. Строительство подлодок тоже дышит на ладан. Строим только прибрежный флот: фрегаты, корветы, малые ракетные корабли.

Сейчас развернулась новая дискуссия: нужны нам авианосцы или нет? Даже Президенту РФ показали макет нового атомного авианосца, но при этом никто не спросил: а есть где его строить и из чего? Судостроительной базы нет, был раньше Николаев, но он уже давно не наш и в руинах. Где изготавливать спецметаллы? У нас в советское время в Волгограде был большой металлургический завод «Красный Октябрь» и его филиал, завод «Баррикада». На «Красном Октябре» делали три вида брони, а на «Баррикаде» – ядерные реакторы для «Борея» и «Ясения». Сейчас оба

завода еле дышат, пришлось производство брони и реакторов налаживать в других местах, а это дополнительные деньги и время. По этой причине мы не можем серийно строить танки «Армата» и наши «Бореи» и «Ясени». И кто согласится создавать целый комплекс производств для строительства одного авианосца? Видите, сколько простых вопросов, на которые нет ответа. Кроме того, для авианосца нужно корабельное охранение, а это – всё те же океанские эсминцы и противолодочные корабли, которые мы с нынешней базой тоже не в состоянии построить.

Вопрос: для чего тогда эта шумиха и возня, если строительства в ближайшее десятилетие и близко не будет, даже на стадии НИОКР? Не может быть у государства сильной армии, сильного флота без сильной экономики, без полного спектра производств и технологий! А их можно обеспечить только путём выработки и реализации долгосрочных планов развития, обязательных к исполнению. В свете последних инициатив президента, думаю, стоит соответствующие поправки внести в Конституцию. Но вряд ли наша нынешняя «властная вертикаль» к этому готова.

Виктор МУРАХОВСКИЙ, полковник, главный редактор журнала «Арсенал Отечества».

То, что мы называем научно-технической революцией в военном деле, случилось давным-давно, ещё в 30-е–60-е годы XX века. Именно тогда были разработаны принципиальные основы всего современного вооружения, включая ядерное, космические технологии, лазеры, компьютеры и так далее. Ничего принципиально нового в сфере вооружений с тех пор создано не было. Никакого оружия на новых физических принципах, на мой взгляд, нет и быть не может. Почему? Да потому, что никаких новых физических принципов, по сравнению с теми, которые были описаны в десятитомнике «Курс теоретической физики» Ландау и Лифшица, не открыто. Все физики мира, используя суперкомпьютеры, многие десятилетия морщат лбы, но ничего больше не открыли. Поэтому до сих пор вся техника, и военная, и гражданская, – опирается на три великих закона: сохранения материи, сохранения энергии и сохранения импульса. Во всей Вселенной нет ничего такого, что опровергало бы эти законы или их как-то изменяло. Только сейчас есть какие-то намеки на то, что с гравитацией всё не так гладко и что-то принципиально новое, возможно, увидим. Но это лишь намеки для очень далекой перспективы, не говоря уже о том, что они будут превращены в какие-то технологии, пригодные для использования в военных целях.

Климатическое оружие – это бред сумасшедшего. Потому что энергия одного среднего урагана превышает по мощности энергию всего ядерного оружия, накопленного человечеством. И даже если мы будем в состоянии вызывать такие процессы, управлять ими не сможем. Всё оружие у нас основано на процессе горения (и его частном случае – детонации, взрыве), которым мы управлять научились, и лишь отчасти – на процессах атомного рас-

пада и термоядерного синтеза, которыми мы не управляем. Можем запустить ракету или сбросить с самолёта ядерную бомбу куда-то более-менее точно – и всё. На этом вся управляемость заканчивается.

Давайте посмотрим на такие основополагающие документы, как перечни приоритетных направлений фундаментальных, прогнозных и поисковых исследований в области обороны и безопасности страны, а также стратегических, критических и военных технологий, базовых и критичных промышленных технологий на 10 лет, плюс основные направления развития вооружений и специальной техники на 15 лет. Уже из этих документов вытекают Госпрограмма вооружений, программа развития Вооруженных сил, пятилетний план обороны, президентский список, конкретные заказы и так далее.

Каков объём этой базы? В первом перечне – 11 научных направлений, 56 разделов и 772 пункта. А во втором перечне – 9 базовых, 48 критических и 330 военных технологий. Объём, надо сказать, солидный. И в нём можно выделить три главных направления: разведывательно-информационное обеспечение войск, расширение физико-психологических возможностей военнослужащего и повышение управляемости боевых действий. Всё, никакого оружия на новых физических принципах там нет, никакого «вундерваффе» – только системное, на всех уровнях, повышение эффективности использования уже имеющихся систем вооружения.

В чём тут главная проблема? Как раз в том, что именно в этих направлениях наша наука и наша промышленность резко отстают от уровня, достигнутого нашими, как говорит президент, «западными партнёрами». Там первое место по затратам на НИОКР занимают сейчас информационные и компьютерные технологии, второе – фармакология и биотехнологии, третье – автомобильная промышленность и только четвертое – аэрокосмическая, которая в 12 раз уступает «ай-ти» по данному показателю. Поэтому когда некоторые наши руководители в ранге вице-премьера заявляли, что российская «оборонка» станет локомотивом технологического и экономического развития, это был чистой воды «пиар», чтобы не сказать жёстче. Весь наш оборонно-промышленный комплекс сегодня – это 14-15% от российской промышленности. И он не имеет внутри себя каких-то инновационных технологий, которые делали бы его главным драйвером развития всей промышленности, всей экономики.

Тем более, что доходы от экспорта вооружений не инвестируются в НИОКР, а никаких механизмов быстрого встраивания новых «гражданских» технологий в наш ОПК не существует в принципе – работает всё тот же ГОСТ-РВ с десятилетним и более циклом внедрения, с прежней системой ценообразования, основанной на «возмещении затрат», и т.д. При этом если ты снижаешь себестоимость, тебе на эту сумму срезают выплаты по контракту. У этой системы, несомненно, есть плюсы, но

минусов у неё с каждым годом становится всё больше и больше. Даже те наши «гражданские» компании, которые буквально вопреки всему выходят на передовые позиции в мире, с «оборонкой» работать не видят смысла: возни много, а «выхлопа» нет: ценообразование по формуле «20+1%» в конечной прибыли превращаются максимум в 3%, а кредиты в нашей рыночной экономике даются под 9-10%... В результате государство вынуждено каждые три-четыре года гасить чуть ли не триллионные долги госпредприятий ОПК – зачем все эти «радости» нужны высокотехнологичному российскому бизнесу?

В общем, продолжая попытки скрестить социалистические принципы управления в «оборонке» с современными инновационными технологиями, мы очень скоро придём к тому, что наши вероятные противники уйдут далеко вперёд...

Константин СИВКОВ, капитан 1-го ранга, доктор военных наук.

Должен сказать, что всё познаётся в сравнении. Если принять тезис о том, что Россия сегодня не в состоянии вести полномасштабную длительную войну конвенциональным оружием, с чем я в целом согласен, то наши партнёры и вероятные противники к такой войне, по целому ряду причин, готовы в ещё меньшей степени, чем мы. Поэтому сами они её не начнут, чтобы не нарваться на ответно-встречный удар. А вот любыми путями дестабилизировать социально-экономическую и политическую ситуацию в нашей стране они, на мой взгляд, могут, и не просто ставят это своей целью, но и предпринимают достаточно мощные системные усилия в данном направлении.

Схема их действий давно и хорошо известна. Ей уже больше ста лет, если считать от событий русско-японской войны 1904-1905 гг. и революции 1905 года, памятник которой стоит на Красной Пресне в Москве. Создание проблем внутри страны-мишени при помощи компрадорских «элит», финансово-экономических диверсий и, при необходимости, внешних войн. Провоцирование, в той или иной форме, гражданской войны. Далее, в зависимости от ситуации, передача власти в стране-мишени своей агентуре и её раздел на несколько государственных образований.

При этом угрозы есть по всему периметру российских границ. К перечисленным Александром Ивановичем угрозам можно добавить ещё Японию. И Китай я бы тоже, кстати, не вычёркивал навсегда из списка потенциальных угроз для российской национальной безопасности. Если ситуация в России будет развиваться по самому плохому сценарию: по сценарию «цветной революции» и гражданской войны, – то с Востока на нас пойдут и японцы, и китайцы, причём последние – даже в большей степени. От доступа к российским ресурсам не откажется ни одна страна мира, ни одна транснациональная группировка.

К сожалению, реальных мер для снижения уровня социальной напряжённости в обществе не предпринимается. Более того, «наверху» принимаются совершенно иные меры, которые ведут к усилению социальной напряжённости и конфликтного потенциала между властью и обществом. Все они на слуху, и недавняя смена правительства ничего в данном отношении, на мой взгляд, не изменила. В массе нынешней российской «элиты» наблюдается полное равнодушие к защите национальных интересов при обострённом внимании к защите своих личных и групповых интересов, которые сводятся к передаче фактически за бесплатно российских ресурсов хозяевам «глобального рынка». Причём представители этих «элит» даже не задумываются о том, что лично с ними и с их богатствами станет, если Россия, благодаря их усилиям, прекратит своё существование.

То есть это «элиты» не национально ориентированные, а компрадорские, им у наших западных партнёров всё нравится, их там всё устраивает, кроме одного – своего статуса в глобальной иерархии и, соответственно, своей доли, получаемой от продажи российских ресурсов. И они понимают, что если бы за их претензиями не стояли стратегические ядерные силы, речь бы сейчас шла не о санкциях, не о спортивном допинге и не о «деле Скрипалей», – расправа была бы короткой и жестокой, как с Сальвадором Альенде, Саддамом Хусейном и Муаммаром Каддафи.

Алексей РАММ, военный журналист, «Известия».

Современная российская военная реформа исходила из того, что мы были дезинформированы и всегда сильно переоценивали, завышали возможности стран НАТО, вследствие чего ориентировались на достижение несуществующих, ложных, фантомных целей. Особенно – в сфере интегрированного управления на поле боя. Как выяснилось, очень многое здесь у наших вероятных противников существует на уровне мифологии и не даёт какого-либо ощутимого преимущества в реальной скорости и точности принятия решений. Например, недавно в Афганистане сбили американский самолёт E-11, который назвали разведчиком. На самом деле это был не разведчик – это «системный интегратор», своего рода крылатый роутер, который обеспечивает связь военных самолётов между собой и с наземными структурами, – «напрямую» американцы этого не сделали, хотя всё уже прописано, профинансировано и объявлено функционирующим. Во время удара крылатыми ракетами по авиабазе Аш-Шайрат 7 апреля 2017 года никакой оперативной интеграции не было: подготовительный этап растянулся на несколько дней, а не то, что все там быстро синтезировались и дали синхронный залп.

У нас есть проблемы со стратегическими беспилотниками, связанные с работой космической системы глобального позиционирования ГЛОНАСС, но в сфере оперативно-тактического применения «дронов» российские ВКС не отстают, идут в ногу и даже на несколько шагов впереди. Особенно – благодаря нашим средствам радио-

электронной борьбы (РЭБ) и широкому применению распределённых автоматических систем управления (АСУ), в том числе – межвидовыми и разнородными боевыми группировками. Здесь наверняка последуют возражения, но я утверждаю, что наши ВС в этом отношении занимают сегодня лидирующие позиции, что показывает развитие военной ситуации в Сирии. Там не обошлось без сложностей и потерь, но, в конце концов, всё заработало, и аналогов по эффективности у наших западных «партнёров» пока нет. Через Сирию за пять с половиной лет прошли семь командующих армиями, более двадцати командиров дивизий, около пяти тысяч офицеров и около 80 тысяч военнослужащих. Ротация была, кстати, жёсткой и тех, кто не справлялся с требованиями, могли отправить в отставку, пересмотреть условия контракта или даже разорвать его...

Кстати, недавние крупнейшие учения «Центр-2019» как раз были направлены на отработку действий разнородных соединений и управления ими на поле боя. Сейчас непрерывная оперативная многосторонняя и защищённая цифровая связь устойчиво обеспечивается на расстоянии до пяти тысяч километров, причём это – далеко не предел. Основой пока остаётся комплекс «Стрелец» образца 2007 года, но скоро ему на смену должна прийти новая техника на отечественной элементной базе.

Самая главная проблема, и здесь я согласен с Александром Ивановичем Владимировым, – это проблема так называемого активного резерва, проблема мобилизационного развёртывания. К тому же, да, отсутствие подготовленного резерва серьёзно ограничивает боевые возможности российских Вооружённых Сил. Потому что если мы, скажем, отправили дивизию в Сирию, то на неё должна работать вся остальная армия, расположенная в России. Это всё та же проблема, с которой мы столкнулись уже в ходе конфликта в Чечне.

При этом полностью согласен: у нынешней российской молодёжи – абсолютно невоенное сознание. Армия для них – часть жизни, для кого-то даже важная часть, но не цель и не смысл жизни, это американская модель. В США проблема отчасти решается за счёт нацгвардии, огнестрельного оружия на руках у населения и 10-летней контрактной системы, у нас же тут пока – действительно чистое поле. Возможно, что при новом правительстве мы получим некую законодательную инициативу в этом направлении. Деньги здесь нужны не очень большие, но важно принять принципиальное решение.

Владислав ШУРЫГИН, заместитель председателя Изборского клуба.

Готовясь к нынешнему выступлению, я вспомнил 23 февраля 2000 года. Только-только закончились тяжелейшие бои в Грозном, где была разгромлена многотысячная армия Басаева, который клялся честью никогда не отдать русским столицу «Ичкерии». Тогда полки и бригады, уже похороненной было либералами Российской армии, порвали в клочья отряды отлично обученных и прекрасно

экипированных боевиков. Выбили их из города и погнали на минные поля, где многие из них нашли могилу, а «непобедимый Шамиль» потерял ногу и честь.

В тот вечер мы сидели в небольшом «кунге» с генералом Владимиром Булгаковым, который, собственно, и взял за три недели считавшийся неприступным, превращённый террористами в настоящую крепость, город. Причём взял расчётливо, спокойно, с какой-то холодной методичностью и минимальными потерями. Мы пили горячий сладкий чай с сушками и леденцами, и я слушал неторопливый рассказ генерала о штурме Грозного. Было в поведении Булгакова, в его жестях, словах что-то неуловимо основательное, и тогда стало вдруг отчётливо ясно: в этот раз город взят окончательно, навсегда! И я, не выдержав, спросил: «А удержим Грозный? Не повторится снова август 96-го?» Булгаков помолчал, а потом веско, неторопливо сказал: «Удержим! Сегодня у нас есть главнокомандующий. Нас не предадут!» И эта уверенность генерала («нас не предадут!») наполнила меня спокойствием. «Не предадут!»

...Через три недели после нашего разговора главнокомандующий Владимир Путин вручил Владимиру Булгакову в Кремле Золотую Звезду Героя России.

С тех пор прошло уже два десятка лет, но я точно знаю, что отсчёт новой истории нашей армии начался именно тогда, в тех тяжелейших боях с бандами международных террористов за территориальную целостность и единство России. Тогда нам страшно не хватало новой техники, нового вооружения, современной амуниции, даже просто нормального снабжения. У разорённой дефолтами и олигархами страны просто не было средств, чтобы дать своей армии всё необходимое. Но у неё появился лидер, появился главнокомандующий, который взял на себя ответственность за Россию. И в наши ВС вернулся дух армии-победительницы. Той армии, которая освободила мир от фашизма. И задача была выполнена: в Чечню вернулись мир и покой.

Сегодня Российскую армию не узнать. Не узнать и тем, кто двадцать лет назад сражался на улицах Грозного или в горах под Дарго; не узнать и тем, кто в 2008 году разметал в клочья войска, подготовленные американскими инструкторами в Грузии и брошенные против Южной Осетии. Сегодня наша армия – это концентрат всего самого нового и современного. Прекрасное вооружение, отличная экипировка, надёжные средства защиты, «ночники» и тепловизоры, беспилотники и автоматизированные системы управления. Современная Российская армия – это «Аматы» и «Коалиции», «Аллигаторы» и «Ночные охотники», «Триумфы» и «Балы», Су-57 и «Белые лебеди». Сегодня наша армия – сплав самого совершенного оружия и мастерства. Наши военачальники прошли через горячие точки, закалены Сирией, Крымом и теми войнами, о которых пока не настало время говорить. Сегодня большинство наших солдат – это опытные профессиональные бойцы, вы-

бравшие военную службу главным делом своей жизни. Сегодня наши лётчики проводят в воздухе сотни часов, а моряки верны завету адмирала Макарова: «В море – дома!»

Сегодня у России – по-настоящему современная и высокопрофессиональная армия.

Но в славе сегодняшних наших побед, в шёлке наших знамён золотыми нитями вплетены подвиги и победы тех, кто прикрыл собой Россию, когда казалось, что её история уже закончена. Кто служил в Вооружённых Силах, кто сражался за Россию в «незнаменитых» войнах 90-х, кто хранил её все эти годы.

В 1996 году русский солдат Евгений Родионов, попав в плен к боевикам, отказался изменить своей вере, снять крест и назваться мусульманином. Почти три месяца боевики пытались сломать его волю: уговаривали, избивали, пытали, и, наконец, поставили перед выбором: измена или смерть. Евгений отказался снять крест, и ему отрезали голову. Он принял мученический венец, но его духовный подвиг дал ему бессмертие.

Два года назад в небе над сирийским Идлибом был сбит самолёт-штурмовик ВКС России Су-25СМ. Его пилот, майор Роман Филиппов пытался уйти из зоны поражения, но управление самолётом было нарушено, и ему пришлось катапультироваться. После приземления он почти сразу оказался в окружении боевиков и принял неравный бой. Будучи раненым и уже не имея сил отстреливаться, он подпустил боевиков к себе и подорвал себя и их гранатой.

Героизм, самопожертвование, духовность – вот лучшие черты нашего солдата. И самым парадоксальным образом, именно армия, в конечном итоге и спасла страну! Ведь армия – это же не только мундиры, батальоны и ревущие моторы. Это, прежде всего, идеология! И главной идеологией нашей армии была идеология Победы. В перестройку и ельцинское безвременье были уничтожены все ценности, на которых держалось государство, кроме одной – Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне! И эта Победа была перенесена и через 1991 год, и через 1993 год в наше время. А победа – это всегда тема армии. Не конкретной армии, не конной, не танковой армии, не космической, а священной небесной армии России.

Именно идеология Победы, 75-летие которой мы отмечаем в 2020 году, должна стать основой современного воспитания солдат и офицеров, идеология преемственности, соединения русской военной истории в один поток, венчает который наша Победа в Великой Отечественной войне. Именно армия как никакой другой институт нашего государства способна сформулировать эту национальную идеологию.

Александр НАГОРНЫЙ.

Уважаемые коллеги! На мой взгляд, за этим «круглым столом» состоялся весьма глубокий диалог, рассматривающий как общее состояние и перспективы нашей национальной безопасности, так и отдельные аспекты развития российских Вооружённых Сил.

Должен сказать, что оценки, высказанные здесь, порой входят в противоречие друг с другом, но в основном они оказались созвучны: современный мир находится в процессе глобальной трансформации, что изменяет всю систему представлений и ценностей человечества, в том числе – о параметрах и приоритетах безопасности. Условно говоря, если ваши ракеты точно поражают даже движущиеся цели размером в десятки метров на расстоянии в несколько тысяч километров, то нужен ли вам мощный океанский флот с авианосными ударными группами? Нужны ли вам сверхточные ракеты, если вы можете разрушить целевой объект, используя «закладки» в программном обеспечении и элементной базе систем его управления? И вопросов такого рода с каждым днём развития новых технологий будет становиться всё больше и больше.

В любом случае, мы можем констатировать, что Российская Федерация, пережив опыт крупнейшей геополитической катастрофы XX века – уничтожения Советского Союза, сделала для себя необходимые выводы и сумела начать процесс восстановления внешнего контура своей безопасности, казалось бы, необратимо разрушенного после 1991 года. Процесс этот ещё далёк от своего завершения, но основные «дыры» заткнуть, несомненно, удалось.

Теперь на повестке дня стоит создание настоящей единой России – не одноимённой политической партии, которая, как в своё время компартия, оказалась неспособна оправдать своё название, а формы государственной, межнациональной и общественной системы. В этом процессе таким институтам, как армия и другие силовые структуры, на мой взгляд, предстоит сыграть самые ответственные, можно сказать – ключевые, роли. Сопоставимые с ролью традиционных религий, а также систем образования и здравоохранения. Их функции будут изменяться, переосмысливаться и, видимо, интегрироваться.

Одной из целей этого процесса должно быть создание адекватного оборонного потенциала для достижения зоны абсолютной безопасности, где полностью обнулены все актуальные и потенциальные военно-стратегические и военно-политические угрозы для России. Конечно, для достижения подобной цели необходимо ранжировать наших потенциальных противников по степени опасности и агрессивности их планов.

Никто не спорит с тем, что главным потенциальным противником России остаются, как и в предыдущие годы, Соединенные Штаты, имеющие несколько сотен военных баз по всему миру, с которых могут поражать территорию РФ буквально со всех географических направлений. Плюс налицо их подавляющее пре-

восходство в сфере информационных технологий, которое может быть оспорено только в перспективе не менее 5-10 лет и во многом нивелирует усилия Китая и России.

Поэтому США, как это было и в случае с Советским Союзом, будут стремиться втянуть нашу страну в изматывающую гонку вооружений, с целью ослабить нашу страну в серии внешних (Украина, Ближний Восток, Закавказье, Средняя Азия) и, если удастся, внутренних конфликтов, которые будут разжигаться с опорой на сторонников прозападного курса и подготовленные внутренние элементы. Именно здесь планируется нанести главный удар «гибридной войны», – практически так же, как это было сделано в 1989-1991 гг.

В свете этой методики российским Вооруженным Силам необходимо по-новому и с большим вниманием подходить к политическим процессам как в приграничных государствах, так и внутри своей страны. Именно это очерчивает новую роль Вооруженных Сил РФ. Это первый и главный вывод, который, на мой взгляд, можно и нужно сделать по итогам состоявшейся дискуссии.

Второй вывод заключается в том, что, как отметил целый ряд выступавших, устойчивость и боеспособность Вооруженных Сил неразрывно связана с их идеологией, которая создаётся государством и обществом. Сегодня эта сфера практически полностью отдана на откуп тем силам, которые именуются «иностранными агентами», что де-факто разрушает всю систему национальной безопасности. Если целью вашей жизни является богатство, вила с яхтой на Лазурном берегу и счёт в швейцарском банке, то зачем нужна Россия?

Армия Русской Мечты, о которой здесь говорилось, должна знать, за какие цели и ценности она должна сражаться. Вряд ли такими ценностями могут служить богатства наших олигархов и чиновников. Такие конфликты, как в Сирии, ещё можно пройти без адекватного идеологического обеспечения, но уже, например, в конфликте с бандеровской Украиной это становится невозможным.

Наконец, третий фундаментальный вывод: необходимо создание вертикально интегрированной системы ОПК–Вооруженные Силы с мобилизационным резервом промышленных мощностей на случай полномасштабной войны. Что, в свою очередь, требует отказа от нынешней концепции «рынка без берегов», которой продолжает придерживаться правительство России.

Разумеется, всё это – лишь первые шаги к осмыслению того, что необходимо для превращения современной Российской армии в Армию Русской Мечты, но дорогу осилит идущий, а любая дорога начинается с первого шага.